ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Угрозы и безопасность

КОНЦЕПЦИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ В ПРАКТИКЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Владимир Николаевич АКУЛИНИН[a,*], Наталья Сергеевна ЕПИФАНОВА[b]

[a] кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация
akulinin2010@mail.ru

[b] кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация
nucifraga@mail.ru

[*] Ответственный автор

История статьи:
Принята 18.05.2015
Одобрена 02.06.2015

УДК 327.8
JEL: Z18

Ключевые слова: гибридная война, конфронтация, международные отношения, национальная безопасность

Аннотация

Тема. В условиях геополитической напряженности, связанной с украинским кризисом и усилением антироссийских настроений в ряде стран, особую актуальность в настоящее время приобрела проблема межгосударственного противостояния России и стран Запада. Важное значение концепциям, технологиям и формам этого противостояния придает специфика процессов глобализации и интернационализации экономик большинства стран мира.

Цели. Анализ концепции гибридной войны, взятой за основу в современном межгосударственном противостоянии России и США. Авторами сделана попытка исследовать экономическое пространство межгосударственной конфронтации (экономического фронта гибридной войны) и доказать, что современное геополитическое давление США на Россию осуществляется с помощью политико-экономических методов в рамках концепции гибридной войны.

Методология. В исследовании использованы официальные нормативные документы министерства обороны США, НАТО, официальных научных центров при министерстве обороны США, а также труды отечественных и зарубежных экспертов в области экономических войн и гибридной войны. Применены методы научного анализа, системный подход, сравнительный и сопоставительный анализ, статистические методы обработки информации, методы экспертных оценок.

Результаты. Рассмотрено содержание понятия гибридной войны с позиций междисциплинарного подхода. Впервые показано, что гибридная война является не просто технологией межгосударственной конфронтации, а отдельной концепцией, взятой за основу в межгосударственном противостоянии России и США. Обоснован вывод о том, что концепция гибридной войны является закономерным результатом глобализации. Доказано, что экономическая война является одной из важных составляющих гибридной войны, и для той страны, которая обладает большей экономической мощью, может служить эффективным средством геополитического воздействия на противника.

Выводы. Сделан вывод о том, что в результате глобализации и интернационализации политико-экономических связей в глобальном геополитическом пространстве геополитическое давление в рамках межгосударственной конфронтации может принести весьма высокие результаты за счет использования финансово-экономических рычагов воздействия на национальную экономику страны-оппонента. Данное обстоятельство является методологически значимым при выборе приоритетов макроэкономической политики, а также политики экономической и национальной безопасности стран, задействованных в межгосударственном противоборстве.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

В условиях глобализации и усиления взаимного влияния стран в мировом пространстве, а также стремительного развития информационных технологий межгосударственные соперничество и противостояние могут принимать принципиально новые формы. В связи с этим важную роль приобретают вопросы генезиса феномена гибридных войн, их концептуализации и значения в межгосударственном соперничестве. Целью данной статьи является анализ концепции гибридной войны с позиций междисциплинарного подхода и доказательство того, что гибридная война, будучи закономерным

результатом глобализации, является не просто технологией межгосударственной конфронтации, а отдельной концепцией, взятой на практике за основу в современном межгосударственном противостоянии России и США.

В отечественной литературе определение гибридной войны весьма расплывчато. Чаще всего ее определяют как *«комплексное применение различных методов (не только военного, но и экономического, социального, политического характера) воздействия на противника в рамках межгосударственного противоборства»*[1]. В частности, российский исследователь А.А. Бартош дает следующее определение: *«гибридная война – это широкий диапазон действий, осуществляемых противником с использованием военных и иррегулярных формирований, с одновременным привлечением гражданских компонентов»*[2].

В военно-политическом контексте под гибридной войной понимается использование крайне разнообразных тактик военной, политической и социально-экономической дестабилизации на территории противника. Одним из основоположников концепции гибридной войны является крупнейший американский теоретик в области военно-политической стратегии, сотрудник министерства обороны США Ф.Г. Хоффманн. В своих работах он доказывает, что межгосударственные конфликты XXI в. имеют и будут носить мультимодальный и многовариантный характер и представлют собой гибридное сочетание традиционных (конвенциональных) и иррегулярных (неконвенциональных) тактик, основанное на разнообразных простых и сложных технологиях [1, 2].

В настоящее время концепция гибридной войны – одна из основополагающих в стратегии национальной армии США, которая пришла на смену концепции холодной войны. Холодная война представляла собой военно-геополитическое противостояние, одной из базовых составляющих которого была идеологическая борьба. Основными признаками холодной войны являлись открытый характер конфронтации, нацеленность на доминирование в геополитической сфере, гонка обычных и ядерных вооружений. В отличие от холодной войны гибридная война может носить скрытый характер (в связи с чем даже появился термин «необъявленная война»), в основе ее причин чаще лежит передел политико-экономических сфер влияния, и интервенция на территории противника в целях свергнуть то или иное правительство может осуществляться невоенным путем. Следует отметить, что и в рамках холодной войны США часто использовали манипуляции гибридного характера в различных сферах для достижения определенных политико-идеологических целей [3].

В специальных исследованиях, посвященных анализу современных военных стратегий США, эта концепция подробно изложена. Так, например, в одном из докладов военного колледжа армии США гибридная война определяется как значительное расширение роли и миссий вооруженных сил США в использовании политических, информационных и экономических механизмов в дополнение к технике ведения «обычной» войны для достижения определенных политических целей [4].

В последние годы принципы гибридной войны разрабатываются и в официальных документах правительства США. Так, например, в директиве министерства обороны США № 3000.05 от 16 сентября 2009 г. «Операции стабильности» утверждается, что основу военной миссии США составляют операции по поддержанию стабильности. В связи с этим министерство обороны США должно быть готово проводить операции по достижению стабильности на всех этапах конфликта в различных диапазонах как в условиях боевых действий, так и небоевых, используя для достижения поставленных целей различные рычаги экономического, социального, политического и военного давления[3]. Таким образом, стратегические военные планы носят гибридный характер, охватывая целый спектр элементов национальной мощи.

В директиве № 3000.07 от 28 августа 2014 г., которая так и называется «Иррегулярные войны», подчеркивается, что иррегулярная война является не менее важной в военной стратегии, чем «обычная» война и может вестись как в комбинации, так и

[1] *Викулов С.Ф., Хрусталёв Е.Ю.* Методологические основы и специфика военно-экономического анализа // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 7. С. 2–11; *Викулов С.Ф., Хрусталёв Е.Ю.* Роль и значимость экономического анализа в управлении современным военным строительством // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 4. С. 2–13; *Викулов С.Ф., Хрусталёв Е.Ю.* Экономические основы военной безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7. С. 2–9.

[2] *Бартош А.А.* Гибридные войны в стратегии США и НАТО. URL: http://catu.su/analytics/874-gibridnye-vojny-v-strategii-ssha-i-nato.

[3] Stability Operations. U.S. Department of Defense Instruction # 3000.05. September 16, 2009. P. 2.

независимо от регулярной войны[4]. Более того, директива подчеркивает, что активность в рамках иррегулярной войны, несмотря на то, что она может вестись параллельно или в рамках обычной войны, носит преобладающий характер[5]. К данной директиве прилагается словарь используемых терминов, в котором описаны основные понятия концепции гибридной войны. Так, термин «иррегулярный» подразумевает характеристику ведения военных действий, в которых участники могут использовать такие нетрадиционные методы, как партизанская война, терроризм, саботаж, подрывная деятельность, использование протестных движений, а также сил негосударственных агентов (от международных вооруженных формирований до международных некоммерческих организаций). Термин «неконвенциональная война» в данной директиве предполагает мероприятия, проводимые для организации движения сопротивления в целях давления на правящий режим страны-противника с помощью вспомогательных методов.

Сама по себе концепция гибридной войны в своей основе содержит идею, сформулированную в известном трактате о военном искусстве прусского полководца К. фон Клаузевитца «О войне» (1832 г.). Суть этой идеи сводится к тому, что война не должна быть замкнута сама на себе, т.е. «война есть продолжение политики иными средствами». Под «иными средствами» в данном контексте понимаются различные способы ведения военных действий, которые носят нетрадиционный характер и выходят за рамки стандартных и общепринятых технологий. Эти средства могут включать обширный перечень способов и механизмов воздействия на противника в рамках межгосударственного противостояния и использоваться в различных пространствах – информационном, культурном, экономическом, внутриполитическом, в сферах классической разведки и кибер-шпионажа. Стратегии гибридных войн, тактики их ведения и способы противостояния угрозам, вызванным ими, особенно активно разрабатываются в США. В настоящее время, помимо активных научных исследований гибридных войн в США, важность этого типа войн в межгосударственном противоборстве отмечается и в официальных рабочих документах НАТО. В одной из последних деклараций саммита НАТО впервые на высшем официальном уровне было открыто заявлено о необходимости обеспечения готовности членов военного альянса к участию в войнах нового типа – гибридных[6]. В связи с этим в рамках основных положений плана действий по обеспечению готовности противостоять гибридным войнам НАТО готовит создание в Латвии аккредитованного центра передового опыта по стратегическим коммуникациям, в основные задачи которого входят обзор и систематизация работы по гибридным войнам.

Таким образом, гибридная война, наряду с «обычной» традиционной войной, включает в себя также и политику «иными средствами» для достижения определенных политических целей и может проводиться в различных пространствах:

- информационном (средства массовой информации, интернет-пространство);
- киберпространстве (применение технически сложных компьютерных программ, нацеленных на нанесение ущерба крупным промышленным предприятиям и другим стратегически важным объектам, а также специальных программ-шпионов против конкретных государственных и промышленных объектов в целях получения информации о закрытых разработках, в том числе в оборонно-промышленном комплексе);
- дипломатическом (традиционная форма политического противоборства);
- внутриполитическом (использование любых имеющихся противоречий в обществе противника – от религиозных и межэтнических конфликтов до столкновений между спортивными болельщиками);
- экономическом (применение экономических и финансовых санкций и контрсанкций, ослабление противника в ключевых секторах экономики, организация «управляемого краха» на рынке национальной валюты и т.п.).

В течение всего периода противостояния России и США в связи с украинским кризисом в своих выступлениях президент США Б. Обама

[4] Irregular War. U.S. Department of Defense Directive # 3000.07. August 28, 2014. P. 1.

[5] Там же. P. 2.

[6] Пункт 15 декларации гласит: «Мы сделаем так, чтобы НАТО была способна эффективно преодолевать конкретные вызовы, возникающие в связи с угрозами гибридной войны, при ведении которой применяется широкий ряд тесно взаимосвязанных открытых и скрытных военных, военизированных и гражданских мер. Принципиально важно, чтобы у Североатлантического союза были инструменты и процедуры, необходимые для эффективного сдерживания угроз гибридной войны и реагирования на них, а также потенциалы для усиления войск (сил) государств». URL: http://nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm.

неоднократно озвучивал намерения США добиться своих политических целей путем нанесения максимального ущерба российской экономике, ее изоляции и разрыва интенсивных экономических связей с Европейским союзом. Если исходить из определения и сути концепции гибридной войны, ключевым фактором которой является применение «иррегулярных компонентов с использованием гражданских сил» для достижения определенных политических целей, то подобное заявление о намерении нанести максимальный ущерб экономике страны – геополитического оппонента в целях достижения определенных политических целей можно рассматривать как официальное объявление гибридной войны на экономическом фронте.

Рассмотрим более подробно, какие тактические шаги включает данное стратегическое воздействие, имеющее в своей основе стремление нанести ущерб ключевым секторам российской экономики (введение санкций, давление на российскую национальную валюту, снижение цен на нефть на мировых рынках).

В марте 2014 г. президент США Б. Обама выступил с экстренным заявлением по поводу ситуации на Украине, особо подчеркнув, что США намерены прибегнуть к дополнительным мерам в отношении России и ввести санкции против ключевых секторов российской экономики и ряда высокопоставленных чиновников[7]. С самого начала воплощения этой идеи президент и администрация госдепартамента США использовали санкции в отношении России как символ международной изоляции России, ее экономической блокады, а также как намерение привести положение России в мировом сообществе к статусу страны-изгоя. Эти меры предполагали замораживание активов и введение визовых ограничений для определенного круга физических лиц, а также запрет своим компаниям вести совместный бизнес с физическими и юридическими лицами из этого списка. Кроме того, было приостановлено сотрудничество с Россией и российскими организациями в различных сферах. Практически сразу к санкциям США присоединился Европейский союз и ряд европейских стран. Основная задача этих санкций сводилась, по сути, к ограничению доступа на рынки западных капиталов для российских заемщиков, а в отраслевом контексте направлены против наиболее значимых отраслей российской экономики – нефтяной, газовой, атомной и военно-промышленной.

Из экономической теории международной торговли известно, что использование санкций в качестве инструмента политического давления обычно приводит к негативным последствиям как для страны, против которой вводятся санкции, так и для страны, которая их вводит. Причем цена и «успех» такой меры в значительное степени обусловлены размерами противоборствующих экономик, эластичностью спроса на импорт и предложения экспорта в этих двух странах, степенью диверсификации их торговых потоков, а также тем, насколько неожиданны и масштабны сами санкции.

В пользу того, что санкции, введенные США и ЕС против России, являются одним из тактических шагов в рамках гибридной войны, свидетельствует то обстоятельство, что данные меры против России не были одобрены Советом Безопасности ООН. Это, в свою очередь, означает, что они не одобрены международным сообществом в целом, носят односторонний, частный характер, не имеют оснований с точки зрения международного права, а также норм и правил ВТО и, таким образом, являются агрессивными мерами по отношению к России.

В рамках реализации своей концепции гибридной войны США достаточно давно используют такой инструмент политического давления, как экономические санкции. Общий список стран, подвергшихся за последние десятилетия санкциям со стороны стран Запада (прежде всего США), насчитывает более 30 государств (Иран, Ливан, Ливия, Северная Корея, Сирия и др.). При этом стоит отметить, что ни в одной из этих стран использование санкций не привело к смене власти. Сами же американские исследователи отмечают, что односторонние санкции, как правило, неэффективны и не достигают политических целей их применения [5]. Анализ эффективности санкций на примере Северной Кореи и Ирана, проведенный одним из исследователей военного колледжа армии США в 2011 г., показал, что эффективность санкций – это параметр, который имеет неоднозначную трактовку, но в любом аспекте его рассмотрения можно утверждать, что эффективность применения санкций существенно снижается по мере углубления процессов глобализации [6].

С самого начала применения санкций против России бизнес-сообщество в США обращало

[7] Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine. 06 March 2014. URL: http://whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/06/executive-order-blocking-property-certain-persons-contributing-situation.

внимание правительства на то, что санкции могут отрицательно отразиться на американских производителях, сократив число рабочих мест. Вопрос соответствия политических целей санкций и экономических интересов США сразу же был снят Белым домом в связи с тем, что Российская Федерация является одним из наименее активных торговых партнеров США. Так, по данным министерства торговли США, Россия занимает всего лишь 28-е место (одно из последних) в перечне торговых партнеров США, и доля экспорта в Россию в общем экспорте США составляла в 2013 и 2014 гг. 0,7 и 0,66% соответственно[8]. Доля импорта из России в общем импорте США в 2013 и 2014 гг. также была незначительной и составила 1,19 и 1,01% соответственно. Кроме того, введенные санкции были нацелены на узкие объекты – активы политических лидеров России, приближенных к руководству страны, а также финансовые операции для фирм, функционирующих в ключевых секторах экономики Российской Федерации.

Гораздо более действенными (и болезненными) оказались введенные против России санкции для Европейского союза. Это надгосударственное объединение является одним из крупнейших торговых партнеров Российской Федерации, которая является для ЕС вторым (после США) по величине рынком сбыта продовольственной продукции. Так, по данным комитета по занятости и социальным делам Европарламента, доля импортируемой в Россию из ЕС сельскохозяйственной продукции, подвергшаяся продуктовому эмбарго, в стоимостном выражении составила 73% [7]. В наибольшей степени понесли потери страны Балтии, Германия, Нидерланды, Финляндия и Польша. Тем не менее Европарламент оценивает эти потери как несущественные по той причине, что вклад производителей сельскохозяйственной продукции в ВВП стран ЕС незначителен. В целом потери для ЕС оцениваются в 1,7% ВВП, при этом Европарламентом отмечается краткосрочный характер этих потерь в связи с возможностью перенаправления данных торговых потоков в Японию, Южную Корею, Филиппины и США.

Тем не менее экономические отношения ЕС и России выходят за рамки торговли только продуктами питания и сельскохозяйственной продукцией. По данным Федеральной таможенной службы России, в 2013 г. более 50% общего объема экспорта товаров из России приходилось на страны ЕС, а 46% общего объема импорта в нашу страну приходилось на Европу. В финансовом секторе 75% общего объема заимствований России на рынке иностранного капитала приходилось на европейские банки, 1/3 часть экспорта нефти и газа также предназначена Европейскому союзу. Таким образом, между ЕС и Россией существуют очень тесные экономические связи, которые в значительной степени затрудняют проведение политического давления на Россию экономическими методами со стороны США.

Учитывая глубокую включенность России в мировую экономику, а также глубину экономических связей с наиболее крупными торговыми партнерами нашей страны, эффективность санкций может быть высокой только в совокупности с другими методами воздействия. Для того чтобы ослабление в самых уязвимых секторах российской экономики стало критическим, США также предприняли ряд шагов финансового характера в целях давления на отечественный финансовый сектор. Наиболее значимыми из этих шагов стали давление на российскую национальную валюту и снижение цен на нефть на мировых рынках.

В последние десятилетия США приобрели ведущие позиции в мировой финансовой системе за счет того, что доллар стал главным резервным и расчетным средством в этой системе. Однако на протяжении нескольких последних лет динамично растущие цены на нефть создали фактор понижающего давления на курс доллара. Этот факт был воспринят США как одна из значительных угроз экономической безопасности страны [8]. Именно поэтому США предприняли ряд шагов, прежде всего в своей кредитно-денежной политике, и за счет господствующего положения доллара США в мировой валютной системе смогли повлиять на курсы национальных валют ряда развивающихся стран, в первую очередь производителей нефти и других сырьевых продуктов. Не стала исключением и Россия.

В течение 2014 г. рубль обесценился более чем на 50%, а в декабре прошлого года продолжил стремительное падение, достигнув критических значений[9]. Среди исследований причин девальвации рубля существует

[8] Рассчитано авторами на основе данных статистического отчета министерства торговли США: Top U.S. Trade Partners. U.S. Department of Commerce, Census Bureau, Economic Indicators Division. URL: http://trade.gov/mas/ian/build/groups/public/@tg_ian/documents/webcontent/tg_ian_003364.pdf.

[9] Основные производные показатели динамики обменного курса рубля в январе–декабре 2014 г. Банк России. URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/ex_rate_ind_14.htm&pid=svs&sid=analit.

множество различных точек зрения, однако большая часть экспертов высказывает мнение, что во второй половине 2014 г. против России велась именно валютная война. Первые признаки давления на рубль появились в конце 2013 г., после того, как федеральная резервная система США (ФРС) 29 октября 2013 г. в своем пресс-релизе объявила о сворачивании программы «количественного смягчения» (QE4)[10]. Программа количественного смягчения ФРС в качестве нетрадиционного метода монетарного регулирования была разработана и стала использоваться с 2012 г. главой ФРС Б. Бернанке в целях стимулирования экономики США. Сводилась эта программа к покупке не только краткосрочных государственных облигаций (как при традиционном кредитно-денежном регулировании), но и долгосрочных финансовых активов, уменьшая, таким образом, долгосрочные ставки процента. На практике это означало, что ежемесячно ФРС скупала казначейские облигации и ипотечные облигации на сумму 85 млрд долл. После объявления сворачивания программы эта сумма уменьшалась на 10 млрд долл. ежемесячно, и по итогам октября 2014 г. составила 15 млрд долл.

На фоне указанного изменения в монетарной политике США в мировой экономике произошли значительные изменения в направлениях потоков капитала, которые спровоцировали существенное ослабление национальных валют тех развивающихся экономик, которые в значительной степени зависят от иностранного капитала и характеризуются неблагоприятным инвестиционным климатом [9]. В масштабах мировой экономики это привело к тому, что инвесторы стали массово выводить капиталы из развивающихся стран, включая Россию. Утечка капитала из РФ в 2014 г. достигла беспрецедентных размеров, превысив все прогнозы и составив более 150 млрд долл.[11]. Для сравнения: в 2013 г. данная величина составляла 44,1 млрд долл. Если рассматривать этот показатель в динамике, то наибольший отток наблюдался именно осенью 2014 г., после введения против России санкций. При этом наша страна, по данным некоммерческой международной исследовательской организации Global Financial Integrity, является крупнейшим в мире (после Китая) экспортером «скрытых» капиталов [10]. Эта оценка проводилась по данным официальных сделок в сфере международной торговли на основе расхождений в счетах стран-экспортеров и стран-импортеров. Всего, по оценкам Global Financial Integrity, незаконный отток капитала из России за период 2000–2012 гг. составил 880,9 млрд долл.

Еще одной угрозой для российской экономики, определившей ее слабое место и приоритет США в гибридной войне против России в экономическом пространстве, стала зависимость российского государственного бюджета от так называемых нефтедолларов. В последние годы доля доходов федерального бюджета от акцизов и пошлин на нефть и газ увеличилась с 1999 по 2013 г. с 15 до 50%, а номинальный рост поступлений в доходную часть бюджета от пошлин на экспорт нефти и газа в долларовом выражении только за период 1999–2003 гг. увеличился более чем в 7 раз. В последние годы мировой рынок нефти и газа демонстрирует высокую волатильность цен, и в сумме эти факторы приводят к тому, что любое отклонение цены на нефть влечет неминуемое отклонение доходов государственного бюджета. В связи с этим запущенная США в 2012 г. «сланцевая революция»[12], будучи весьма сомнительным с экономической точки зрения и, вероятно, в большей степени геополитическим проектом, имеет очень разнонаправленные последствия как для США, так и для мировой экономики. Одним из таких последствий стала устойчивая тенденция превышения мирового предложения нефти над спросом, приведшая к значительному снижению цен на мировом рынке нефти. Это явилось значимым фактором макроэкономической дестабилизации в России, сыграв свою роль прежде всего в стремительной девальвации рубля.

Итак, гибридный контекст межгосударственного противостояния является закономерным результатом глобализации, приведшей к размытию границ традиционных норм и правил ведения войны и к изменению роли политических и военных институтов в мировом сообществе.

Усилившиеся взаимовлияние и взаимозависимость национальных экономик в рамках процессов глобализации в конце XX – начале XXI вв. привели

[10] Monetary Policy Press-Release. Federal Reserve System, Board of Governors of the federal Reserve System. 10.29.2014. URL: http://federalreserve.gov/newsevents/press/monetary/20141029a.htm.

[11] Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2014 гг. Банк России. URL: http://cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm.

[12] Термин «сланцевая революция» все чаще используется для характеристики стратегии США в сфере энергетики. См. подробнее: *Westphal K., Overhaus M., Steinberg G.* The US shale revolution and the Arab Gulf State. SWP Research Paper. Berlin: 2014. 33 P.

к тому, что иррегулярная агрессия стала значительно более эффективной в целях политического давления на страну-оппонента, чем регулярная («горячая» война), приводя к значительным потерям противника при продуманном и системном подходе к выбору ее стратегии и тактики. Такого рода тактики можно рассматривать даже более эффективными, поскольку они нацелены на определенные группы лиц, приближенных к правящему режиму страны-оппонента, «бьют» по узким и наиболее уязвимым местам ее национальной безопасности, приводят к резкому ухудшению макроэкономических показателей и снижению качественных характеристик уровня жизни населения.

В определении стратегии, тактики и методов ведения гибридной войны значительную роль играет выявление и анализ наиболее слабых мест в экономической, политической, социальной, информационной системах противника. В противостоянии России и США в этом смысле весьма показательными являются материалы исследовательской службы конгресса США, который готовит для членов и комитетов конгресса аналитические записки, на основе которых впоследствии принимаются важные политические решения [11]. Эти исследования показывают, что наиболее уязвимыми для России, как противника США в гибридной войне, являются финансово-экономическая система, а также наличие определенных групп интересов, приближенных к правительству страны. Именно на них и нацелены основные «удары» США в рамках гибридной войны 2014–2015 гг., нанесенные преимущественно экономическими методами.

Таким образом, в результате глобализации и интернационализации политико-экономических связей в глобальном геополитическом пространстве политическое и экономическое давление в рамках межгосударственной конфронтации может принести весьма высокие результаты за счет использования финансово-экономических рычагов воздействия на национальную экономику страны-оппонента. Данное обстоятельство является методологически значимым при выборе приоритетов макроэкономической политики, а также политики экономической и национальной безопасности стран, задействованных в межгосударственном противоборстве.

Список литературы

1. *Hoffman F.G.* Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. P. 72.
2. *Hoffmann F.G.* Hybrid vs. Compound War: The Janus Choice of Modern War: Defining Today's Multifaceted Conflict // Armed Forces Journal, October 2009.
3. *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2014. 416 с.
4. *Bond M.S.* Hybrid war: a new paradigm for stability operations in failing states. Carlisle Barracks, U.S. Army War College, 2007. P. 25.
5. *Haass R.N.* Economic Sanction and American Diplomacy (Critical America) // Council on Foreign Relations. 1998. 236 p.
6. *McDonald S.* Efficacy of Economic Sanction: North Korea and Iran Case Study. U.S. Army War College, 2011. 40 p.
7. *Kraatz S.* The Russian Embargo: Impact on the Economic and Employment Situation in the EU. Policy Department A: Economy and Scientific Policy. European Parliament, 2014. PE 536.291. P. 10.
8. *Freeman K.D.* Economic Warfare Risks and Responses. Analysis of twenty-first century risks in light of the recent market collapse. Cross consulting and services LLS, 2009. 110 p.
9. Financial Market Outlook. Global Economic Prospects. Washington DC: The World Bank Group, 2014. P. 8–11.
10. *Kar D., Spanjers J.* Illicit Financial Flows from developing countries: 2003–2012. Washington DC: Global Financial Integrity, 2014. 68 p.
11. *Nichol J.* Russian Political, Economic, and Security Issues and U.S. Interests. Congressional Research Service. Washington DC, March 31, 2014. 89 p.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Threats and Security

THE CONCEPT OF HYBRID WARFARE IN THE PRACTICE OF INTER-STATE CONFRONTATION

Vladimir N. AKULININ[a,*], Natal'ya S. EPIFANOVA[b]

[a] Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
akulinin2010@mail.ru

[b] Siberian Institute of Management, Siberian Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation
nucifraga@mail.ru

[*] Corresponding author

Article history:
Received 18 May 2015
Accepted 2 June 2015

JEL classification: Z18

Keywords: hybrid warfare, confrontation, international relations, national security

Abstract

Importance The Ukrainian crisis and anti-Russian sentiment engender geopolitical tensions, thus making the standoff between Russia and Western countries a focal area. Concepts, technologies and forms of this standoff become important due to the specifics of globalization and internationalization in most economies.

Objectives The research analyzes the concept of hybrid warfare underlying the existing confrontation between Russia and the USA. We investigate this confrontation economically and prove that the USA is putting its geopolitical pressure on Russia using political and economic methods of the hybrid warfare.

Methods The research draws upon official documents of the US Department of Defense, NATO, official research centers at the US DoD, proceedings by national and foreign experts in economic and hybrid warfare. We applied methods of scientific analysis, systems approach, comparative and matching analysis, statistical methods of data processing, expert assessments.

Results We reviewed the concept of hybrid warfare on a multidisciplinary basis. The hybrid warfare concept was proved to stem from globalization, with economic warfare being one of its key components and an effective tool of exerting geopolitical pressure on opponents.

Conclusions and Relevance We conclude that, whereas political and economic ties are globalized and internationalized, geopolitical pressure may be quite effective in intergovernmental confrontation as it activates economic levers to influence the national economy of the opposing State. This aspect is of methodological significance in setting up priorities of macroeconomic policy and economic and national security policy of those countries involved in such intergovernmental confrontations.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars. Arlington, Potomac Institute for Policy Studies, 2007, 72 p.
2. Hoffmann F.G. Hybrid vs. Compound War. The Janus Choice of Modern War: Defining Today's Multifaceted Conflict. *Armed Forces Journal*, 2009, October 1.
3. Saunders F.S. *TsRU i mir iskusstv. Kul'turnyi front kholodnoi voiny* [Who Paid the Piper: CIA and the Cultural Cold War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2014, 416 p.
4. Bond M.S. Hybrid War: a New Paradigm for Stability Operations in Failing States. Carlisle Barracks, U.S. Army War College, 2007, 25 p.
5. Haass R.N. Economic Sanction and American Diplomacy (Critical America). Council on Foreign Relations Press, 1998, 236 p.
6. McDonald S. Efficacy of Economic Sanction: North Korea and Iran Case Study. U.S. Army War College, 2011, 40 p.
7. Kraatz S. The Russian Embargo: Impact on the Economic and Employment Situation in the EU. Policy Department A: Economy and Scientific Policy. European Parliament, 2014, PE 536.291, 10 p.
8. Freeman K.D. Economic Warfare Risks and Responses. Analysis of Twenty-First Century Risks in light of the Recent Market Collapse. Cross Consulting and Services LLC, 2009, 110 p.
9. Financial Market Outlook. Global Economic Prospects. Washington DC, World Bank Group, 2014, pp. 8–11.
10. Kar D., Spanjers J. Illicit Financial Flows from Developing Countries: 2003–2012. Washington DC, Global Financial Integrity, 2014, 68 p.
11. Nichol J. Russian Political, Economic, and Security Issues and U.S. Interests. Congressional Research Service. Washington DC, Congressional Research Service, 2014, March 31, 89 p.